

социальное неравенство, что предоставляются равные возможности в потреблении образования. Но, соглашаясь с Ж. Бодрийяром, можно отметить, что на деле потребление – элемент властной стратегии, оно делит всех на тех, кто обладает реальной властью, властью над людьми, и тех, кто имеет власть лишь над вещами. Потребление – это механизм власти. Производство формирует не просто отдельные потребности индивидов, а «потребительские силы» общества, что в свою очередь и является мощнейшим стимулом для развития и производства социума в целом¹.

Потребляя образование, индивид производит себя (будущего), создавая из себя (прошлого) представителя определенной профессии, специалиста в определенной области.

Так же как в процессах труда человек не только тратит, но и развивает свои способности, овеществляет и персонифицирует себя в продукте, так и потребление следует рассматривать как «второй вид производства», где происходит не только уничтожение, трата, присвоение, но и формирование, воспроизводство и развитие сущностных сил человека. Представляется обоснованным вывод о том, что производство и потребление пребывают в непосредственной раздвоенности и единстве; в воспроизводстве человека, в том числе образовании они совпадают, являются тождественными².

С.З. Гончаров

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ИННОВАЦИЙ

Термин *креативность* (от англ. creative – «творческий», «созидательный») за последние годы стал одним из употребительных в социально-гуманитарных науках. Он акцентирует наряду с творчеством еще и реальный процесс воплощения творческого процесса в общественно-интересный и полезный продукт. Стратегия инновационного общества, предложенная руководством России, предполагает выявление социокультурных основ *креативной личности* как субъекта инноваций. К таким *основам* можно отнести субъективные качества, *духовно-ценностный* компонент и *социокультурную идентичность* личности.

Креативная личность есть субъект инновационных процессов. Инновация есть такое нововведение в ту или иную область жизнедеятельности общества, благодаря которому происходит *качественное положительное* изменение, будь то смена поколений техники или технологий в области промышленности, сельского хозяйства, управления, финансов, культурной, бытовой, образования и в иных областях. Инновации экономят ресурсы и рабочее время общества,

---

¹ См.: Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 37

² См.: Банникова Л. Н. Указ. соч. С. 154.

увеличивают возможности самореализации человека, создают новые продукты массового общественного спроса. Инновационные процессы, вступая во взаимный резонанс, порождают цепную реакцию нововведений и в итоге влекут к обновлению не только средств жизни, но и самих субъектов – утверждают соответствующий себе образ жизни, перманентное обновление стиля мышления, эмоционального фонда общества, творческую индивидуальность, для которой престижным предстает не столько обладание вещами, сколько сам творческий процесс самореализации в созидании общеинтересной и полезной новизны, сами возможности *самообновления собственной субъективности* путем обновления способов деятельности, общения, духовного возрастания.

Субъектность – высший уровень субъективности человека. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т.е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности, которая характеризует личности и коллективы:*

- *со стороны их способности к самоопределению, самодеятельности и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;*
- *со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;*
- *в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами.*

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, менеджмента: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение *воли* – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание* субъектности – в способность к *нормотворчеству*, т.е. в умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Нравственность, право, религия, искусство полны таким *произрастанием всеобщего из отдельных единичных* прецедентов, поступков, приемов. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, *возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество,*

полномочие на суверенное утверждение той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др.

Самоуполномочивание – это самый важный момент новаторства. Оно обязательно *возникает* тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Под нормотворчеством здесь понимается не юридический, а социокультурный процесс моделирования такого оптимального образца мышления, деятельности, общения, реального производства, который сразу же подхватывается другими и утверждается в общественном сознании и жизненном процессе как норма и канон в силу его *эффективности*. Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* – *потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании*.

Когда субъект смотрит на проблему с позиций *общего дела*, тогда его сознание наполняется емким содержанием, и он мыслит широко, чутко к перспективным тенденциям. Самодеятельность *как основа развития субъектности*. Самоопределение развивается в актах *самодеятельности*. Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, *к человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него

сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»².

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выхождение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу (исполнительства) самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общентересной новизны.

Диалектика соревнования. Присущее самодеятельности выхождение за пределы исходного пункта выражается в отношениях между субъектами – в *со-ревновании*. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, *нет и статуса*. Быть социально – значит быть признанным! Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Иначе будет девальвировано само первенство, сама признанность за достойное. Отсюда и возникает соревнование, в котором сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов. Соревнование проходит через толщу тысячелетий и составляет атрибут всякой социальности и во все времена.

Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу развития творческих потенциалов лиц и коллективов. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»³. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа общественные. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле сравнивают себя

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. М., 1974. С. 121.

² Там же. С. 160.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1962. С. 337.

по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают человеческие качества. Это – имманентная, внутренняя для человека мера, в отличие от внешней, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму конкуренции. Соревнование, будучи осознанным, есть стремление к первенству в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как борьба за общественное признание своей социальной значимости. Соревнование, отмечает С.Л. Березин, – «противоречивая форма развертывания фундаментальной потребности человека в самоутверждении, сущность которой состоит в устремленности личности к достижению общественной значимости в процессе реализации своих творческих сил»¹.

Соревнование противоречно. Оно лучшим образом обнажает ту диалектику, которую Гегель изобразил столь величественно в своих творениях. В нем каждый идеально полагает себя равным с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании с равным, себе достойным. Но в то же время и в том же отношении каждый практически полагает себя неравным с другим, что выражается в стремлении опередить себе равного. Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между субъектами превращается в противоречие субъекта с самим собой, побуждая к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать.

Соревнование есть такое противоречие, которое не разрешается окончательно, а принимает все новые формы. Противоречий, заметил Гегель, нет «только у трупа». Все живое, творческое является таковым постольку, поскольку оно «беременно» противоречием и приводит противоположности к гармонии. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и внепрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 г. выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Тогда как пуск новой

---

¹ Социалистическое соревнование в развитии личности. Алма-Ата. 1983. С. 78.

электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций? Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди. Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность соотносит себя с самой через состязательность субъектов. Такой накал борения есть образ «вечной диалектики». Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными» по той же причине. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. То же мы наблюдаем в международной политике. Самоизмерение социальности ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердились рейтинги.

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самодеятельности. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: то, что было достижением как первенство для немногих, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали. И этому процессу нет конца. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹. В этих суждениях гениально раскрыта креативная культурная антропология К. Маркса, из которой он исходил и в своей критике антисоциального капитализма, и в своих надеждах относительно перспектив общества самодеятельности.

Креативная основа диалектического мышления. Абсолютное движения становления осуществляется как обновление людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в диалектическом мышлении. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. М., 1968. С. 476.

как предпосылка индивида»¹. Такое процессуальное понимание выражает философская диалектика.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика, как логика исторического саморазвития людей, есть основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладали онтологический вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самостоятельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась Молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Такая логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики является пассивный созерцательный субстанциализм, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной деятельности составляющих его индивидов. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная социальность и соответствующие ей образы жизни.

Диалектика «каждую осуществленную форму... рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она не перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»². В этом высказывании выражено извечное трансцендирование человека, выхождение за пределы достигнутого к новым открытиям, к новым драмам и трагедиям, предпосылки которых создают сами люди. Лишь в преодолении новых пределов, в противоречиях и борениях разумные существа сохраняют свою разумную, неоконченную природу. Вот как корреспондент Джон Суинтон передал часть беседы с К. Марксом: «Над размышлением о суете и мучениях нашего века и прошлых веков... в моем уме зародился один вопрос – вопрос о решающем законе существования, на который я хотел получить ответ от этого мудреца. Спустившись до самых глубин языка и поднявшись до вершины выразительности во время наступившего молчания, я прервал революционера и философа следующими роковыми словами: “Что есть сущее?” И, казалось, на мгновение ум его был обращен внутрь себя, пока он смотрел на ревущее море... “Что есть сущее?” – спросил я, и он серьезно и торжественно ответил: “Борьба!”»³.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 2, М., 1969. С. 35.

² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

³ Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Дж. Суинтоном // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. М., 1975. С. 480.

Социальным основанием философской диалектики является *самодетельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших отчуждение от своих собственных объективаций* в экономике, политике и т.д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс вслед за И. Кантом понимал самодетельность как *фундаментальный культурно-антропологический атрибут*, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым он связывал *перспективу человеческого развития*. Он предсказывал историческую ступень человеческого развития, когда «самодетельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидах и устраниению всякой стихийности»¹.

Диалектика есть такой тип мышления, который адекватен инновационному стилю жизни творцов-созидателей. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности всеобщего, особенного и единичного в гармонию. За этими категориями, как было нами выяснено², скрывается соотношение всеобщих, особенных и индивидуально-личностных устремлений-интересов. Например, чтобы разрешать противоречие между всеобщим и частным интересом, необходимо понять их общую основу, понять противоположности как выражения одного и того же содержания, но в разных формах. Так, труд и капитал представляются противоположностями. Однако капитал произведен от труда. Капитал есть «накопленный труд», и сам по себе он не имеет иного субстрата. Поэтому противоречие между трудом и капиталом может успешно разрешаться только в пользу труда, его универсальной созидательной, креативной природы космического масштаба. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы не капитал управлял трудом, но труд – капиталом.

Соотношение всеобщего (В), особенного (О) и единичного (Е), как доказал Гегель в «Науке логики», составляет сущность диалектического метода понятийного мышления. Решающая роль этих категорий объясняется тем, что они логически выражают абсолютную социальную связь между людьми: общество – социальная группа – личность и «прямо вытекают из наших отношений»³. И разумное разрешение противоречий возможно при условии, когда противоположности поняты как особенные выражения всеобщего основания.

Разум же самым убедительным образом явлен для каждого в нравственности, выражающей социальную связь адекватно. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя разумно. Нравственность (совесть) всегда разумна, ибо она есть разум в его истинно человеческом выражении; совесть гармонично разрешает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т. 3. М., 1955. С. 68.

² См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006.

³ Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. С. 45.

противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Важно соединить диалектику с совестью в целостном духовном акте, в котором сливаются в единство любящее сердце, теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственная воля, одухотворенная вера и совесть.

Диалектический стиль мышления вновь возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Что скрывается за инновационными тенденциями? Здесь мы подошли к метафизике инноваций. Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди, как субъекты, стремятся не к созиданию какого-то «-изма» (капитализма, социализма, монархизма и т.п.). Это – лозунги идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился достойный в их понимании образ жизни. Однако с его установлением исчезает его идеализированный, романтический ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в эмпирическую материю, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в обыденную повседневность, которая становится скучной. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес репродуктивного стиля мышления и поведения. Свободная активность «Я» регламентируется порядком настолько, что возникает его («Я») бунт. В лоне традиции вырывает модернизация, импульсы к обновлению деятельности, общения и мышления. Возникают инициаторы, готовые выйти за «красные флажки». Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самостоятельности и самообновления людей. Самостоятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на лимит творческого компонента.

Существует общесоциологическая реальная тенденция, которую можно с полным основанием назвать законом самообновления людей – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет биопсихические и социокультурные основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме качественных перемен, возникающих «вдруг»; такие перемены присущи всем сферам и «порам» общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богатела в 1913 г. Но уже в 1917 г. монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях.

Но в 1991 г. его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, социокультурный по содержанию закон самообновления. Повод всегда найдется.

Этот глубинный креативно-антропологический закон пролагает себе дорогу в истории, как правило, в бессознательной форме, если брать общество в целом. Стратегия инновационного общества, предложенная руководством современной России, продиктована не только технико-экономическими причинами, но и важными социокультурными мотивами – потребностью в новизне.

Ю.М. Бородай истолковывал тенденцию самообновления, исходя из трансцендентности «Я», из его пограничной ситуации между посюсторонним и потусторонним. Пружина всякого творчества – «осознание несовершенства того, что есть», столкновение всеобщей детерминации природы с «неугасающим стремлением к чему-то тому, чего нет в реальности». Человек творит «сверхъестественное» – иконы, самолеты, идеологемы, исходя из должного идеала, положенного свободой воли. Свободная воля задает направленность деятельности. В свободе заключена искра трансцендентности, момент «потусторонности» «Я». «Но если мое “Я” потусторонней “природы”, то и мне, как Богу, с которым я сопричастен, видимо, предстоит и жизнь вечная»¹. Вечная жизнь может быть «только вечной неутоленностью. Вечно живой Бог по определению своему – Творец». Иначе зачем было бы Ему вечно испытывать муки творчества? Творить и восходить на крест, искупая несовершенство сотворенного. Если можно было бы, подчеркивает Ю.М. Бородай, – «достичь абсолютного совершенства, то и жизни больше не было бы, даже у Бога. Тогда просто стремиться не к чему!»². «Именно в вечном стремлении к совершенству, каждый раз по – новому представляемому, видимо, и заключается суть трагедии – наивысшей формы искусства, искусства, сплетающего в себе не только смешное и страшное, низкое и высокое, злое и доброе, но обязательно и еще кое-что – самое главное: ощущение захватывающей красоты жизни во всем ее этом страшно-смешном и мучительно-радостном многообразии». Главная проблема религиозных построений о бессмертной душе, «это скука вечности».

Кант, продолжает Ю.М. Бородай, вывел в «Критике практического разума» исключаящую скуку «формулу творчества вообще – и человеческого и божественного». Ю.М. Бородай так выразил эту формулу: «Ты, бессмертный Творец, строй в бесконечности многомерного времени каждый из новых своих миров так, как если бы каждое преобразенное твое представление о совершенстве посредством твоей воли становилось всеобщим законом природы этих миров. Всякий раз

---

¹ Бородай Ю.М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 214 – 215.

² Там же. С. 215.

строй их так, как если бы каждый из созданных твоей волей миров становился бы собственной плотью и кровью твоей».

Таков, подчеркивает Ю.М. Бородай, императив вечной жизни, предполагающий ответственность за сотворенное, искупление своей «халтуры» смертными крестными муками. Элемент «халтуры» во всяком творчестве неизбежен, он не продукт нерадивости. «Наоборот: именно достижение абсолютного совершенства означало бы зло – конец всякой жизни и всякого бытия»¹. Какой мощью будет обладать наше «Я» в трансцендентном мире, когда оно сбросит с себя материальную оболочку, этот вопрос, отмечает Ю. М. Бородай, остается открытым для нас, живущих по сю сторону. Здесь на земле мы не имеем средств для его достоверного разрешения, поэтому этот вопрос «не научный, а теологический». Почему нам, живущим, не дано знать достоверно о посмертной жизни нашего «Я»? «Мне кажется, – отвечает Ю.М. Бородай, – что условия приключений наших «Я» в этом мире мудро были составлены. Неуверенность в вечной сущности нашего трансцендентного «Я» придает ощущение остроты и подлинности нашим земным трагедиям, которые переживаются нами всерьез, а не разыгрываются “смеха ради”. Может быть, именно таким способом рождается истинная красота?»². Если Гегель написал «Феноменологию духа», то Ю. М. Бородай раскрыл феноменологию свободы человеческой воли.

Итак, с позиций и трансцендентного, и реально-посюстороннего тенденция самообновления связана со свободой нашего «Я», нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил. Этот источник самообновления – не экономический, не утилитарно-прагматический, а сугубо антропогенный, креативный и бескорыстный. И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает адекватную себе форму с бескорыстием истины, добра и красоты. Модели успешного обновления общества предполагают знание – «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»³. Мы попытались представить эту природу как универсальную и процессуальную, несводимую раз и навсегда к историческим переходящим масштабам. Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату за грех гордыни прародителей, но и как мифологическое осознание беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления.

Духовно-ценностный аспект креативности. Но субъектные качества личности могут осуществляться не только в добре, но и во зле. Поэтому важен духовно-ценностный аспект креативности. Дух есть любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию; воля к тому,

---

¹ Бородай Ю.М. Указ. соч. С. 216.

² Там же. С. 219.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 623.

чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. Совершенство есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»¹. Совершенство есть качественное содержание духа, а дух есть та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны.

Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – любовью. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, отмечал И. А. Ильин, «увидеть лучшее, избрать его и жить им». Любовь направляет мышление к объективной истине, волю – к добру, созерцание – к красоте, а веру – к абсолютному, священному и божественному.

В психологическом плане дух есть целостный акт – единство главных продуктивно-творческих сил: любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Целостный духовный акт дарует личности полноту миропереживания и понимания, свободную от односторонних крайностей.

Кроме качественной стороны (воля к совершенству) духу присуща и количественная характеристика: человек восходит от частных значений (душевая стадия психики) ко всеобщим содержаниям науки и нравственности, искусства и религии, права и государства. Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за этнокультурным многообразием – единство человеческого духа, за частным корпоративным интересом – интерес государственный и всенародный, за Отечеством – человечество, за космической пылью – божественное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится личностью. Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья.

Без возвышения психики индивида от душевного уровня до духовного невозможно воспитание личности, понимающей и переживающей универсалии культуры, патриотизм, нравственность, правосознание, искусство, религию, личную сопричастность общему делу

---

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 56.

и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед ныне живущими. Вне духовной стадии индивид сомнителен и как специалист, и как лояльный гражданин государства. Ибо государство есть организация всеобщей воли граждан для совместной «благодетельной» (Аристотель) жизни. Оно – главный политический институт народа. Членство в этой политической организации предполагает в личности духовную стадию сознания, понимание всеобщих значений и всеобщего дела, бремя которого несет на себе народ. Вот почему целесообразно предварять вручение паспорта процедурой сдачи экзамена на социально-правовую компетентность в общих вопросах государственного устройства страны и общих основ права.

Совершенство акмеологично, оно ведет к вершинным творческим достижениям. Творчество движимо вдохновением. Но вдохновение возникает как благоговение и восторг от переживания совершенства! Поэтому гений и злодейство не совместимы. Творчество есть объективирование лучших содержаний человеческой души. Злой же умысел реализуется как деструкция и разрушение. По мере отпадения от совершенства к ничтожному содержанию возрастает доля деструкции в науке и искусстве, политике и экономике.

Обретение идентичности. Обретение духовного уровня возможно на пути сознательной социокультурной идентичности. Идентичность личности означает усвоение и реализацию тех социокультурных эталонов, которые личность принимает искренне и добровольно. Идентичность, следовательно, есть отождествление субъектом своей ценностной самости, ценностного «ядра» своего «Я» с должными образцами. От выбора таких эталонов зависит образ жизни, жизненный путь и судьба человека. А из судеб каждого складывается судьба страны, ее историческая траектория.

Проблема идентичности личности, народа является сложной своей многоаспектностью – исторической, национальной, социальной, культурной и религиозной. Россия в XXI в. выбирает свой путь, что предполагает выбор социокультурной идентичности и народом, и каждым из нас. Потеря ценностной стратегии в развитии страны объясняется эрозией национально-культурной идентичности, себотождественности коллективного «Мы».

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чреватому иррациональными деструктивными срывами»¹. Такой кризис подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое «Я», наполняемое всякий раз «вихрями» повседневности. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки

---

¹ Бородай Ю. М. Указ. соч. С. 394.

и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность. Вне идентичности индивид расколот и несчастен. Он во всем релятивист. Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе, писал А. И. Ильин, много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из центров оказывается слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой¹. Он «политкорректен» и «толерантен». Он – несчастный и расколотый индивид.

Студенты особо не задумываются над вопросом идентичности. Она формируется у них, скорее, неосознанно, стихийно. У них велика учебная забота и разнообразны соблазны современного города, включая те «виртуальные кумиры», которые фабрикуются на телеэкране.

В становлении идентичности важны сам «дух» университета, личностное влияние педагогов, образы *выдающихся* людей в истории культуры и профессионального дела. Идентичность личности будущего специалиста – центральный вопрос воспитания. В его решении можно отметить важность следующих содержаний. Это, во-первых, чувство принадлежности к многовековой истории России, к отечественной культуре, к продолжению деяний подвижников и героев, созидавших Россию, к профессиональному классическому наследию предшественников. Во-вторых, это образ должного человека, некий силуэт эталона, увлекающий своей креативностью, вдохновенным творчеством, духовным «горением», мастерством своего дела. В-третьих, Важнейшим в преподавании является раскрытие внутреннего мира классиков науки, философии и т.д., т.е. метод персонификации. Пусть студенты узнают борения, соблазны и победы тех, кто созидал Россию – святых, подвижников ученых, философов, педагогов, предпринимателей, воинов, политиков и т.д. Пусть возгорятся их сердца. Пусть, образно выражаясь, Пушкин будет для них притягательней, чем компьютер. В-четвертых, это нравственный стержень личности, побуждающий ценить как свое личное достоинство, так и достоинство каждого человека, а значит, добросовестно относиться к профессиональному делу вопреки всем искушениям. Нравственность – первооснова всех аспектов идентичности, пропуск в человеческую общность, в науку, в профессиональное дело. Вне ее начинается деградация во всех областях жизни. Чего ждать от безответственного индивида, будь то педагог священник, врач, офицер, политик, судья, художник? Вопрос риторический.

Нравственность – абсолютное условие человеческой общности, поэтому все народы подкрепляют ее Абсолютом, Божеством. В антропогенезе социальная связь возникла как самоограничение инстинктов ради сохранения общности. И такому самоограничению мы,

---

¹ Ильин И. А. Стань цельным // Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1998. С. 438.

люди, будем учиться всегда, ибо каждый соединяет в себе природное и социокультурное, динамику рефлексов и духовные ценности.

Именно нравственность пронесла через тысячелетия, кровь и слезы человеческое достоинство; она является идеологией достоинства человека, адекватной формой социальных отношений. Грех материализма связан, в частности, в сведении нравственности к несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». Но то, что нравственно, то всегда и разумно, и экономично, и жизненно благодатно не только для меня, но и для всех. В нравственных отношениях субъекты признают равноценность достоинства друг друга, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются взаимная ответственность и духовная солидарность. С такого признания и начинаются нравственность, становление идентичности личности.

Объективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни. К таким основам следует отнести технологию, меновые отношения капиталистического производства и растущий удельный вес человеческих индикаторов производства, особенно самостоятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

1. Темпы обновления материальной техники претерпят в XXI в. резкое ускорение. Развитие техники определяется той технологической функцией, которая ей передается от работника. Инструменту была передана функция непосредственного воздействия на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. Инструментальный этап техники был основным в период докапиталистического производства. Это производство имело субъективное строение, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т.е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). Машине была переданы функции движения (двигатель) и управления инструментом (рабочий орган машины). Машины стали технологическим базисом капиталистического производства. За работником осталась функция управления машиной. Производство получило объективное строение, ибо главным стала машина. Разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, автомату передается функция управления машиной. Работник теперь выключается из производства как непосредственный технологический агент. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С сер. XX в. автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим. Передача функции управления машиной означает *революции* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная* функция. Производство становится, образно выражаясь, на голову. Благодаря электронно-вычислительной технике, компьютеризации эта функция совершенствуется с поразительной скоростью. Человечество медленно

входит на порог технологического скачка: подобно тому, как паровой двигатель революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, так и компьютерная техника уже порождает качественные изменения в этих сферах. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни и резко увеличивается количество работников в сферах культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и те «объективно-мыслительные формы» (К. Маркс) в духовной сфере, которые непосредственно обслуживают (направляют и регулируют) функционирование всех звеньев общественного жизненного процесса. Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть стыдливое признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций.

Эти изменения будут осуществляться намного быстрее потому, что технике передана интеллектуальная функция. Данное обстоятельство будет интенсифицировать и убыстрять процессы в сферах научной, образовательной, производственной и экономической, социальной и политической.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий идеальный компонент производства. Теперь техника проектируется не под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (лазеры, нанотехнологии и др.). Наука как разновидность духовного производства превратилась в ведущий фактор общественного труда. Поскольку уровень развития техники связан с передачей ей продуктивно-творческих сил человека, а в такой «трансплантации» нет предела, то темпы обновления техники неминуемо будут убыстряться по мере ее антропологизации, т.е. последующей передачи ей от человека функций сенсорных и др. «Онаученная», интеллектуально емкая техника, этот искусственные органы целенаправленной воли, предполагает и «онаученного» работника. Интеллектуальное обновление техники и технологий обязывает работников, систему высшего образования к опережающей интеллектуальной подготовке и ко всеобщему высшему образованию.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но побудительным конечным мотивом к ее развитию является экономическая форма производства. Капиталистическое же производство содержит стимул выхода за пределы достигнутого. Такой стимул заключен в формуле

Д – Т – Д'. Капитал есть самовозрастающая стоимость на основе производства и при посредстве обращения. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно благодаря увеличению прибавочного продукта или интенсивно – когда рынки сбыта поделены – путем обновления продукта для создания новых потребностей в нем и тем самым путем создания новых секторов рынка и путем убыстрения обращения. Убыстряя свой оборот, капитал повышает скорость социального обмена, процессов коммуникации. Обновляя продукт для завоевания рынка, капитал тем самым обновляет потребности, чувства, наслаждения, т.е обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко интенсифицирует интеллектуальные процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного коммуникативного обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, транспортных, авиационных и информационных путей, которые постоянно оптимизируются ради быстроты коммуникаций. За секунды в мире переводятся миллиарды денег из одной страны в другую. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуждают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах.

Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает плотность социального пространства и времени: ибо увеличивается количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени. В условиях капиталистического производства в большинстве стран экономика в мировом масштабе переходит с необходимостью на интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление на основе научных разработок социальных технологий в области управления людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его субъективная субстанция – труд. Капитал есть накопленный труд и, сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация способностей и умений. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и обновление его качества – способностей и умений, потребностей и чувств. За формулой Д – Т – Д' скрывается схема

воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: «продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил». Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений. Тенденция капитала – выход за пределы достигнутого – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенциалов к новым возможностям и смыслам. Так мы выходим на сугубо антропологический аспект капитала. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Он реализуется как самостоятельность и соревнование между людьми, как потребность в общеинтересной и полезной новизне с иными в отличие от экономикоцентризма мотивами.

Когда возникает мотивация к инновациям? Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому параметру оценки социальной эффективности – к *стоимостному*. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое *сам же капитал и развивает*. Э. Тоффлер на глобальном стратегическом форуме в Москве 12 декабря 2007 г. привел шокирующий для экономикоцентризма факт: «Появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег. Лучший пример здесь – программное обеспечение. Есть молодой парень, который сидит у себя в маленьком офисе в Финляндии. Ему не понравилась операционная система Windows у него на компьютере, и он придумал другую, лучше. Он сделал это не потому, что его кто-то попросил или заплатил ему, он сделал это совершенно добровольно. И потом он поместил ее в Интернете и сказал: кто может ее улучшить – пожалуйста, делайте. Она совершенно открыта. И это все было сделано без денег. И это испугало Microsoft, а китайское правительство приняло закон о том, что все государственные учреждения Китая пользуются только этой новой системой... Парадокс в том, что экономика денег создает технологии, которые повышают продуктивность работ, которые делаются вне зоны экономики денег. Раньше, чтобы измерить давление, мы ходили к врачу и платили ему за эту услугу. Теперь японцы придумали аппарат для измерения давления, которым человек может пользоваться самостоятельно. Или вот фотография... Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и поэтому говорят, что они не важны, а мы утверждаем, что это и есть самое важное»¹.

В этих высказываниях Э. Тоффлера привлекают внимание три момента: во-первых, особая мотивация к инновациям, не провоцируемая деньгами; во-вторых, рост круга людей творящих инновации без денег; в-третьих, ограниченность денег в оценке положительных последствий инноваций.

---

¹ См.: Агеев Александр. Цунами инноваций // Завтра. 2007. № 52 (736).

Такая мотивация состоит в том, что профессионал исходит из *самой сути дела*, понимает изъяны рационального компонента в том или ином изделии, доверяет своему разуму как непосредственно общественному и поэтому сам дает себе полномочия на совершенствование продукта, важного не только для него лично, но и для всех, для иных потребителей. Самоуполномочивание соединяется с емким социальным чувством – с профессиональной солидарностью.

Такая мотивация, «добровольная», по Тоффлеру, инициатива, вырастает из особого вида труда: в нем интеллектуальный компонент превалирует над телесными усилиями, творческий фактор – над исполнительским; престижными являются рационализация и изобретательство не только в промышленных, но и в организационно-управленческих технологиях, товарищеская взаимопомощь в проблемных ситуациях и соревновательность в поиске новизны при решении профессиональных задач, публичное обсуждение результатов общего труда, профессиональная честность, требовательность и ответственность; и немаловажное значение имеет то, что жизненные потребности персонала удовлетворены достаточной заработной платой, хорошим питанием, жильем, оздоровительными профилакториями, доступным культурным досугом, отдыхом на природе.

А. Бузгалин размышляет о созидательной мотивации в условиях экономики знаний. *«Но для мира знаний частная собственность устарела»*. Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. *«Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают*. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный “пирог” – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу... Главные ценности Человека нигде и никогда (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI века) нельзя было купить. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. В открытом диалоге с другими Личностями... Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. Через труд». Нельзя купить ни знания, ни любовь, ни способность к творчеству или быть другом. Для мотивации работника в экономике знаний характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческого... Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». А творчество, как известно, общедоступно. «Почему более половины выпускников аспирантуры американского университета, – задает вопрос А. Бузгалин, – стремятся получить работу ассистента или доцента в колледже, а не менеджера в фирме

(где их зарплата могла бы быть в 2 – 5 раз выше)? Ответ давно известен: у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится «проблема отказа от пресыщения». Занятому интересной работой «просто неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты»¹.

Автор данной статьи 7 лет трудился на ВПК в службе главного механика (к. 60-х – нач. 70-х гг. прошлого века), где труд и досуг имели на деле все описанные выше параметры, которые и создавали моральную атмосферу здорового профессионального честолюбия, утверждения в сознании коллектива как личности, достойной профессионального признания, уважения и доверия, направляли трудовую энергию не только на своевременное и качественное исполнение обязанностей, но и на творческое моделирование в решении новых технологических задач, на состязательность, на потребность культурного общения в рамках свободного времени. С благодарностью вспоминаю школу профессионального образования в широком смысле, которую мне довелось пройти в трудовом коллективе закрытого предприятия, ныне Сибирского химического комбината.

Э. Тоффлер обратил внимание на то, что «появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег». Дело заключается в том, что денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой предел, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека – его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности формат не «цельнокаменной природы», скроенной раз и навсегда, а личную неоконченность, открытость к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает вещно бескорыстная мотивация одержимости, увлекательности духовно-культурными побудителями в качестве самоцели. Такая

---

¹ Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Литературная газета. 13–19.02.2008. № 6 (6158).

мотивация появляется в условиях среднего и высшего по степени сложности труда, который нами рассмотрен в отдельной публикации¹.

Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать количественные пропорции в обмене товарами. Однако превращение стоимости в самоцель производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та уязвимая пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а конкретный труд. Стоимость сохранится в качестве учета трудовых затрат, как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещнения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная редукция, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании.

Общественное богатство существует в трех формах – натуральной, стоимостной и субъективно-личностной. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в средство созидания богатства вообще, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как самоцель! Количественный параметр богатства взял верхovenство над его качественным креативно-антропологическим содержанием. Подобно тому, как количественный принцип формальной демократии (один избиратель – один голос) доминирует над качественным, который присущ самоуправлению и народовластию. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как инструмент, как средство для реализации нравственных императивов – измерять эффективность производства людьми собственной жизни отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира». При таком критерии эффективности на первый план выйдет не абстрактный, но конкретный труд, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как самоцель в силу его креативности по отношению к человеку. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»². Экономика при таком критерии предстает как прикладная, практически реализуемая креативная

---

¹ Гончаров С.З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия Уро РАО. 2003, № 2 (20). С. 126–139.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Т.3. С.123.

антропология. Поэтому в заключение статьи логично выявить основы креативной антропологии, исходя из версии универсальной сущности человека.

Это уместно потому, что в общественном сознании возникли известная растерянность и пессимизм относительно перспектив человеческого развития. *Универсальная сущность человека как стратегия в развитии науки и образования XXI в.* Основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, *толкуют сущность человека как нечто универсальное, т.е. обладающее бесконечными возможностями саморазвития.* Только основа универсальности понимается по-разному – как неограниченность или продуктивных сил природы, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах), или общества (К. Маркс), или духа (Гегель), или божественных энергий в душе человека (тексты Священных книг). Отметим в сжатом виде их преемственность и различия.

Согласно натуралистической концепции (Л. Фейербах, З. Фрейд, представители социал-дарвинизма Ж.-А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович и др.) сущность человека – природная; человек сосредоточивает в себе и излучает все основные продуктивно-творческие силы самой природы. В лице человека природа познает саму себя и приходит к самосознанию и самопознанию. Природа – мать, а люди – ее самые одаренные дети. Эта концепция вселяет в человека чувство родства с природой и некий душевный комфорт – чувство Дома. Однако натурализм неудовлетворителен в том отношении, что он дает слишком мало в объяснении бытия человека: почему человек жертвует собственной жизнью ради чести, высокой благородной идеи, Родины, и т.д., переступая инстинкт самосохранения. Натурализм ничего не дает в решении проблем ценностных основ воспитания, педагогики, духовного единения народа, веры и др. Натурализм не обладает возможностями предвидения и прогнозирования относительно развития людей, общества. Фейербах, например, полагал, что тайну человека в состоянии раскрыть лишь прикладная биология – медицина, физиология! Академик Н. Амосов полагал, что «точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а, следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо»¹. Натурализм в понимании именно сущности человека открывает широкие возможности для концепций расизма, нацизма, современного социал-дарвинизма, который пролагает себе дорогу как социал-расизм. Верхним пределом натурализма является язычество, возвращение к исторически первой ступени естественной народной религии.

Недостатки натурализма преодолевает в значительной мере социологическая трактовка: сущность человека социальна. Социальное

---

¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С. 133.

есть формы надприродной активности, которые возникают в совместной деятельности и общении людей, закрепляются в теле человека нейрофизиологически и выступают как человеческие способности. Способности есть усвоенные человеком социально значимые способы деятельности. Способности вырастают не из органического тела человека, а из его социального тела – из деятельности и общения. Эта концепция исходит не из естественной природы (натуры) а из «второй природы» (культуры). Эта концепция в значительной степени объясняет существенные особенности бытия человека, но в ее рамках не понимается в должной мере направляющая и регулятивная функция духа, сознания, мышления в жизни человека и в функционировании всех звеньев социальной системы. Эта концепция так же крепко привязывает человека к социальной действительности, как натурализм приковывает человека к природе. Пределом в рамках такой концепции является достижение земного благополучия, процветания, «рая». Но когда такое благополучие достигается, то люди теряют вдохновляющие их ценности, у них атрофируется духовное миропонимание, и наступает стремительное понижение ранга ценностей, т.е. пошлость. Например, страны «золотого миллиарда» достигли процветания, которое совпало с их стремительной духовной деградацией. Запад материально может почти все, отмечал И.А.Ильин, а духовно уже почти ничего. Буржуазная и атеистически-социалистическая идеологии есть порождения западной технической цивилизации. Обе они делают ставку на обустройство внешней жизни внешнего человека. Но одна исходит по-преимуществу из частной собственности, а другая – из общественной. Глубинная же ценностная установка одна и та же – сытая при внешнем изобилии жизнь, но с обезбоженным, безвдохновенным самосознанием. Не случайно, руководители КПСС и советского государства в период «перестройки» и «реформ» быстро отбросили коммунистические идеалы и предались самому бесстыдному потребительству, обнажив тем самым пределы социально понимаемой сущности человека. Дело в том, что социологическая версия человека не содержит в себе того идеала, который бы открывал человеку возможности саморазвития в направлении духовного возвышения. Человеку становится душно в застенках социального быта и бытия. Поэтому в порядке компенсации возникает потребность во все новых и новых формах наслаждений, и начинается деградация по всей линии.

Ограниченность социологической концепции преодолевается в рамках идеалистического понимания сущности человек как духовной реальности (Кант, Фихте, Гегель, Н.А. Бердяев и др.). Дух есть высшее, самое концентрированное выражение и продолжение социальности, знающая себя и устремленная на себя социальность. Дух есть ее идеальный «ген», программирующий поведение людей и народов на века. В рамках духа осуществляется самоопределение, самоорганизация и самопроектирование социальности. Социальность же есть реальность,

производная от самодеятельности духа, опредмеченный дух. Если социологическая концепция абсолютизирует внешний коллективный опыт человечества, то идеалистическая концепция является обобщением внутреннего, духовного опыта людей. Идеалистическая концепция имеет тот существенный недостаток, что в ее пределах сущность человека получает самые многообразные истолкования, при которых теряется единое ценностное основание, позволяющее объединять сознания и воли людей на объективно лучших, совершенных содержаниях. Возникает «плюрализм без берегов», который рассеивает общество на атомы-персоны и обессиливает общество и государство.

Православно ориентированная антропология (И.А. Ильин, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др.) тем отличается от секулярно-философской, что она решает проблему абсолютного основания духовного единения людей, исходя из определенной методологии: человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли»; но природное снято в надприродном, в социальном; социальное же в человеке снято в духовном; духовное в человеке есть веяние божественных энергий; поэтому человек есть «религиозное существо». Таким он воспринимал себя уже на заре истории. С позиций вертикали «божественное – духовное – социальное – природное» яснее можно понять удельный вес компонентов бытия человека.

Например, православная антропология понимает человека с позиций абсолютного и единого основания: Бог есть полнота совершенств; душа человека есть образ и подобие совершенства Божия; она таит в себе отблеск божественного совершенства и причастна по своему источнику к Совершенной реальности. Совершенство Божие – источник всех положительных качеств и ценностей человека.

Поскольку душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то каждый человек есть творец по своим потенциальным возможностям. Православная антропология толкует талант не как исключение из правила, а как норму в развитии каждого человека. Бездумное исполнительство, деградирование людей возникают тогда, когда они собственными усилиями гасят в себе свет совершенства, оскверняют свою душу ничтожным содержанием в погоне за «прелестями», отрывая инстинкт от идеала, натуру от культуры, душу от Бога. Одним словом, сами «пылят», и потому не видят «Солнца» своего духа. Православная антропология креативно антропологическая, человекотворческая по существу. Ибо она связывает творчество с Творцом и основывает творчество на духе совершенства, на положительной аксиологии, предохраняя личность от вседозволенности и безответственности.

Образ совершенства Божия продуктивен для науки, искусства и нравственности. Если совершенен Творец, то совершенны и те меры, согласно которым сотворены мироздание и человек. Задача науки – познавать эти меры и содействовать улучшению реальности. Наука является, таким образом, познанием Бога по Его творениям.

Но человек – существо не только мыслящее и разумное, но и чувственное, воображающее и созерцающее, что является субъективной основой искусства. Божественные идеи-меры даны человеку в природном материале и занавешены им. Задача искусства – представить эти идеи-меры в таком виде, чтобы они стали прозрачными для созерцания. Тогда эти идеи-меры будут восприниматься не только как истина, но и как красота. Искусство призвано окультуривать чувственность, воображение и созерцание по законам красоты, а не эстетизировать пороки и не разнудывать инстинкт вне идеала, чем заняты современные СМИ России.

Нравственность возникает из отношения человека к другим людям, к самому себе и к Богу. Если душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то души всех людей имеют равноценное достоинство. Вот почему не состоятельно самовозвышение себя ценой унижения других. Человеку дана таинственная способность, основное нравственное чувство – совесть. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из равноценности достоинства каждого человека. Совесть существует в человеке, но она выше человека, независима от его произвола и судит наиндивидуальной мерой. Хотя люди разные, но когда они поступают по совести, они поступают одинаково, согласно своей единой богосотворенной сущности. Нравственность, согласно Православию, обязывает видеть в душе каждого человека образ и подобие Божие, признавать равноценность достоинства каждого человека независимо от пола, национальности и социального положения, не превращать других людей лишь в средство для своих личных целей, оценивать помыслы и деяния абсолютной мерой – образом Божиим – и спасать себя и других тогда, когда человек теряет в себе этот образ. Одним словом, нравственность обязывает жить по заветам Христа-Спасителя.

Итак, православная антропология не отрицает природных, социальных и, тем более, духовных аспектов бытия человека. Она устанавливает иной ранг (божественное выше человеческого, духовное выше душевного) и оценивает человека абсолютной мерой: насколько он в своем духовном измерении есть «образ и подобие Божие». Исходя из этого «образа» соответственно толкуется и процесс образования. Достоинством данной антропологии является абсолютное основание именно ценностного порядка, из которого выводятся все иные креативные характеристики человека, в первую очередь, нравственность.

Существует эклектичное толкование сущности человека – как «био-социальной» или как «био-социо-культурной». Но сущность – это не рядоположенные кубики, не плюрализм и мозаика, а монизм, единство в многообразии. Предмету, коль он реально определен, свойственна одна сущность. «Коктейль» же из «био-социо-культурной» сущности логически невозможно мыслить. Вместо понятия будет расплывчатое представление. Э.В. Ильенков по поводу подобной «био-социальной» сущности остроумно возразил: почему бы человеческую

сущность не представить как «квантово-механико-физико-химико-био-социальной». Очевидно, авторы подобных версий стремятся ничего не упустить в определении. Но все-таки следует различать сущность человека и его существование, а тем более его действительность.

Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны эмпирической проверке и приемлемы для научного сознания.

Первая, исходная, основа – присущие человеку искусственные органы целенаправленной воли. Социальное тело человека включает в свой состав органическое тело и тело неорганическое. Неорганическое тело есть искусственные функциональные органы целенаправленной воли и представлены в как техника материальная для обработки природы, как техника социальная (нематериальная) для «обработки людей людьми» и как техника интеллектуальная для обработки тех значений, которые функционируют в головах людей. С помощью материальной техники люди превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости, и в принципе наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство.

Маркс писал: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека... в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело... Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты... Благодаря этому производству природа оказывается его (человека) производением и его действительностью. Поэтому предмет труда есть опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает себя в созданном им мире»¹.

Вторая основа универсальности – социальная наследственность. Биологическая наследственность закодирована в организме. Социальная наследственность транслируется от поколения к поколению посредством культуры, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

Третья основа – отсутствие врожденных программ именно социального поведения сообщает человеку способность овладевать

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С.565–566.

любимы программы и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития.

Четвертая основа – свобода воли, самодеятельность, творчество.

Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе значений, идеального. Свобода есть самопричинность через произвольные, намеренные действия и дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, волишь, веровать человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право вменяет личности свободу, и человека освобождают от ответственности, если он был в невменяемом состоянии, т.е. если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли. Человек не продолжает наличный причинный ряд, а порождает новые причинные ряды, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не срачивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо способности есть ничто иное, как усвоенные способы действия. Деятельность по изменению предмета развивается в самодеятельность, т.е. в свободную самонаправленную деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому «человек есть самоустремленное существо» (К. Маркс). Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе – воображению и эстетическому созерцанию, мышлению и воле, вере и любящему сердцу – не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии.

Субъект самодеятельности относится к своим личным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо самообоснованное, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (К. Маркс). Связка «свобода – самодеятельность – творчество» позволяет человеку быть не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самосуществования; т.е. быть неоконечным.

А истоком неоконечности субъекта является свободная самодеятельность, самоактивность как культурное продолжение природной ауторитмии. Ю.М. Бородай на обширном естественнонаучном материале показывает, что ауторитмия есть генетически исходная, первичная форма активности в биологической эволюции. Он пишет: «наиболее древней, исходной формой нервной деятельности является

не рефлекс, но произвольная активность»¹, т.е. ауторитмия. В процессе эволюции, с усложнением внешней среды обитания эта всеобщая, простая форма спонтанной активности специализируется в систему рефлексов. Но и в динамической системе рефлексов ауторитмия не исчезает, она блокируется не полностью. Рефлекс даже в самой чистой форме представляет собой «ауторитмический процесс, поставленный под афферентный контроль...»². Эволюция жизни, замечает Ю.М. Бородай, шла «не в направлении увеличения произвольности», но по пути «все более жесткого связывания изначально произвольных самодвижений разнообразной внешней детерминацией»³. Возникновение свободы воли, воображения – это разрыв непрерывного рефлекторного кольца, «прерыв непрерывности внешней детерминации рефлекторной динамики» и «рождение произвольного идеального представления»⁴. Именно «произвольного»!

Выходит, что произвол воли, воображения есть возвращение к исходному началу, к первичной форме произвольной активности (ауторитмии), но на новой основе, с удержанием достигнутого на последующих ступенях эволюции? Получается, что так оно и есть. Джинн, сидевший в сосуде биологической эволюции (ауторитмия), выбил «блокирующую» пробку рефлексов, вырвался наружу и превратился в... продуктивное воображение, в свободу воли, в апперцепцию! Становится понятным великое открытие И. Канта: его настойчивость в утверждении спонтанной активности воображения, а также «самодеятельности» рассудка, апперцепции, равно как и свободы воли. Принцип произвольности, справедливо замечает Ю.М. Бородай, стал «коперниковским переворотом» Канта в философии, необходимой предпосылкой понимания «свободной целесообразной деятельности как сущности всех человеческих проявлений вообще»⁵.

Апперцепцию можно представить как замкнутую на себя чистую однородную самоактивность. Сама по себе она не специфицирована на волю, мышление, воображение и др. Это – ее дальнейшие модификации в процессе социализации индивида. Когда она обращена на переработку представлений, то выступает как трансцендентальное воображение, не смешанное с чувственной модальностью. Чистая самоактивность, хотя и специфицируется в дальнейшем на волю, воображение, мышление, но не растворяется в своих модификациях. Ведь наше чистое «Я» сохраняет себя в смене наших субъективных состояний (радость, печаль, восторг и проч.). Самоактивность «Я» (апперцепции) есть необходимая субъективная предпосылка свободы – воли, мысли, воображения, чувства и др., а также самоопределения и иных субъектных качеств. Важно перевести такую самоактивность в мир значений и поступков.

---

¹ Бородай Ю.М. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С.23.

Для самоактивности «Я» не существует никакой наперед заданной логики. И поэтому наше «Я» в мыслях, воображении, в эмоциональном вживании может уподобляться любым состояниям предмета, моделировать все новые проекты действия и предметных структур, может отстраняться от всех своих предшествующих построений и со стороны созерцать их (рефлексия).

Что же побудило психику вырваться за пределы рефлекторного кольца и *удваивать реальность* на чувственно-воспринимаемую и воображаемую? Крайне суровые обстоятельства, которые тщательно проанализировал Ю.М. Бородай в цитируемой выше монографии.

Пятая основа – общественная природа человека, интенсивно раскрытая в актах общения, общественных отношениях. Именно общение принуждает психику к общению, к общим, социально важным значениям, без которых невозможно общение. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общие, общественные отношения, резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи родовым существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает и род вещей, их закон и сущность, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии. В общении осуществляется обмен различными содержаниями человеческой живой субъективности, происходит взаимное дополнение, обогащение и обновление субъектов общения, осознание родовой природы человека, развернутой в бесконечном вариативном многообразии; понимание того, что ни одна личность не может исчерпать полноты всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. «Точно так же чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим собственным достоянием». Способности и опыт других людей превращаются в дополнительные духовные органы личности. У человека, подчеркивал Маркс, – «кроме... непосредственных органов образуются общественные органы в форме общества». Маркс поясняет: «Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т.д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни»¹. Общение креативно антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать перспективу личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рамках буржуазности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках может казаться «умением жить».

Шестая основа – разумная сущность человека. Тело немыслящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее тело

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г... С. 121.

строит свои действия согласно формам и закономерностям внешним тел, причём, любых¹. Оно учитывает логику того целого, в составе которого оно действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект, способный управлять всеми стихийными силами. Разум – универсальная сила не только планетарного, но и космического масштаба. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Универсальность человека поэтапно разворачивается в его истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это – величественный процесс в масштабе мироздания. Природа величественна, писал великий космист Ф. Энгельс в одном из писем. «Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы... добиваясь сообща заранее поставленной цели... Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществления положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора»²!

Вектор исторического саморазвития заключается в самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе большего числа людей, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства человеческого рода.

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно – во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные умения.

Это – мышление, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за скобки; продуктивное воображение, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; духовные чувства, окультуренные пониманием и возникающие от переживания значений в бесконечном многообразии; воля, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия и ценности, давать им практическое воплощение; бескорыстное эстетическое созерцание, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; вера, устремленная на надындивидуальные, надгрупповые абсолютные и совершенные

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика... С. 38–40.

² Энгельс Ф. Письмо Дж. У. Ламплу. 11 апреля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. М., 1966. С. 55–56.

ценности, которые выводят сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и божественных смыслов и служат основой духовного единства и сплоченности народа; совесть, оценивающая помыслы и деяния с позиций надындивидуальных, сверхнациональных, сверхконфессиональных и исходящая из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности – с позиций должного нравственного совершенства.

Перед наукой XXI в. острые экологические, социально-классовые и мировоззренческие проблемы ставят задачу – вернуться из «рассеяния» в материально-предметной, политической, эгоистически классовых сферах в креативную культурную антропологию, чтобы разрабатывать концепции и технологии, направленные на культивирование универсальной сущности человека на пути к совершенству, к гармонии духа и природы, к братскому единению народов. Разумно продолжить не объектную, а субъектную классическую философию, идущую от Сократа, к Канту, Фихте, Гегелю и к Марксу и обогащенную богатым ценностным содержанием совершенства русской философской классики.

Неизбежность и креативность противоречия. Сущность человека универсальна, а существование каждого индивида конечно в этом мире. Это – абсолютное противоречие, которое разрешается в ходе истории человеческим родом. Универсальная природа человека встречает на каждой исторической стадии ограничения со стороны формы общения (общественных отношений). Противоречие между человеческой универсальностью и формой общения является всеобщим и в социологическом, и в узко личностном отношениях. Вся история в ее антропологическом разумном аспекте есть длительный процесс разрешения этого противоречия. Каждый народ в силу своих особенностей решает это противоречие по-своему. Более того, в каждый период, в каждом коллективе противоречие между креативной деятельностью и общением встает во весь рост. Разрешение этого противоречия – творческая задача, тестирующая руководителей и коллективы на умение (ум) думать самостоятельно, предметно, творчески. В советском обществе 70–80-х гг. XX в., писал А.С. Панарин, назрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹. Классический марксизм тут, как видим, не причем.

---

¹ Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. С. 114–116.

Общий принцип решения противоречия состоит в нахождении таких форм общения (общественных отношений, регламентаций, социальных норм и т.п.), которые открывали бы простор для развертывания человеческой универсальности, креативной деятельности, побуждали к свободной, и радостной самоактуализации и самореализации творческих сил индивидуальности. Решение этого противоречия есть практическая диалектика, она по силам только коллективному разуму в условиях человеческой общности.

Однако данное противоречие не разрешимо окончательно, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию деятельности и общения. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: более просторные для самостоятельности формы общения, побуждая к инициативной самостоятельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания. Сообщать самостоятельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

Данное противоречие созидательное и лично развивающее. Однако противоречие между самостоятельностью и формами общения выражает собой противоречие между субъектами – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» – одно из форм противоречия между самостоятельностью и общением. Данное противоречие присуще всем сферам и «порам» общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т.д. Это противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении и др. От чего же зависят различные формы разрешения противоречия? От самого древнего основания, на котором выросла антропогенез и на котором держится современное общежитие людей – от нравственности; т.е. от степени признания других людей и народов как субъектов равноценного достоинства. Дело не в дефиците нефти и иных углеводородов, а в дефиците совести. Такова правда. Но само это противоречие неистребимо потому, что неуничтожима сама основа противоречия – самостоятельность и соревнование людей, различия в их притязаниях, в социальных статусах и в тех функциях, которые распределяются между субъектами самой логикой общего дела. Развитие и есть способ разрешения противоречий, порождающий разумную форму – диалектическое мышление субъектов, исходящих из социального целого,

из общественного жизненного процесса, из креативного обновления социальности, а не только из того, что каждому из них лично надо.

Ранее мы отметили три типа строения социальности – субъективное, объективное и универсальное – по таким параметрам, как строение производства, общественных отношений и сознания¹.

Универсальное (субъектное) строение социальности. Такое строение важно для переориентации как государственной политики, так и для понимания инновационного стиля жизни. Отметим лишь некоторые моменты.

Научные технологии, экономика знаний неизбежно выведут общество на качественно более высокий – антропогенный уровень. Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи науки. Тем самым, непосредственное рабочее время перестает быть мерой богатства и производству, основанному на меновой стоимости, приходит конец². Маркс так конкретизирует данный технологический аспект: «Теперь рабочий уже не помещает между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». В качестве главной «основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма... Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место... сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»³.

Экономические отношения сбросят свою загадочную товарную форму: за движением товаров люди будут видеть движение своих собственных трудозатрат. В общественном сознании рассеется товарный фетишизм. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а культурное воспроизводство поколений, поэтому социальная сфера общества будет главной (то, ради чего). Культурное воспроизводство людей станет главным содержанием общественных отношений, и тем самым отношения между людьми станут непосредственно-общественными, без анонимности разного рода

¹ См: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 214.

³ Маркс К. Указ. соч. С. 213–214.

факторов, которые вступают между собой в особые надчеловеческие отношения. Иными словами, общественные отношения перестанут выступать для сознания в их овещненной форме.

Общество вступит в постэкономическую эпоху своей истории, когда «по ту сторону его (труда – С. Г.) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы»¹. Ибо «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, по природе своей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Свобода же в области материального производства может заключаться «лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль... совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»².

Во-вторых, научные технологии приведут к изобилию потребительных ценностей («стоимостей») и потребительские установки, как и фетишизм денег, сменяются иной шкалой ценностей – человекотворческим (кративно-антропологическим) содержанием.

Политическая сфера общества тоже подвергнется дефетишизации. Социальные институты, окончательно надоев гражданам своей бюрократической замкнутостью и самовоспроизводством в расширенном масштабе, снова примут социально ясную функцию – как органы коллективной воли для самоорганизации и самоуправления ассоциированных субъектов.

Ценностно-нейтральный стиль объективного научного мышления избавится от этой односторонности: объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом – ее ценностным пониманием и переживанием; разум и «сердце» – это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект. Мышление станет интегральным, целостным, полным. Такое мышление утвердится на основе аналогий не фабрично-заводского, а культурного производства поколений. Доминирование самостоятельности, духовно-нравственной направленности в образе жизни «запишет» в сознании субъектов целостные и гибкие аналогии, позволяющие увидеть в природе, в ее самодвижных структурах новые грани – разумную *целосообразность*, согласованность частей с целым, эстетически оформленные меры. Качественно изменится сама оптика воззрения на природу: спонтанное бессознательное саморазвертывание ее сил уподобляет природу непосредственной искренности ребенка, в отношении которого взрослый человек

---

¹ Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 387.

² Там же. С. 386–387.

побуждается быть охранителем; возродится в особой форме античное миропонимание в виде могучего эстетического разумного космизма.

Новый тип строения производства, общественных отношений и сознания приведет в соответствие универсальную сущность человека с его существованием, ранее ограниченным как орудийным фондом, так и ставшей узкой стоимостной формой.

Современная техногенная цивилизация медленно преобразуется уже ныне в антропогенное общество, когда люди будут производить свою субъективность во всей культурной полноте, производя заодно холст, лен и общественные отношения. Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как ныне прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. Престижность закрепится за субъектными качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Три типа строения социальности выделил К. Маркс на основании различных форм общения: «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества); «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуются «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»; «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» – такова третья ступень. «Вторая ступень создает условия для третьей»¹.

Развитые в ходе истории продуктивно-творческие и производительные силы людей обрели такой высокий уровень, что частная монополия на их присвоение стала очевидным тормозом общественного развития. Наступает период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. Подобие народного социализма намечается в Венесуэле, Боливии, левее Чили, Перу, Никарагуа. Пример Китая, Вьетнама, Кубы, Беларуси не померк. Необходимо подчинить вещный капитал человеческому капиталу. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в креативно-антропогенную сферу – в образование, культуру, социальную инфраструктуру.

Решение вопроса о креативной личности как субъекта инновационных процессов является лишь одним из аспектов более сложной проблемы – превращения техногенного экономикоцентричного общества в антропогенное общество самодетельности. В современной России есть все возможности начать новый цикл истории.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 100–101.